

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.31029/vestdnc87/5

УДК 94(470.67)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БАММАТУЛИНСКОГО ВЛАДЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Р. А. Атаев, ORCID: 0000-0002-0943-218X

Дагестанский гуманитарный институт (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»,
Буйнакск, Россия

THE POLITICAL SITUATION OF THE BAMMATULINSKY DOMAIN IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

R. A. Ataev, ORCID: 0000-0002-0943-218X

Daghestan Humanitarian institute (branch) of educational institution of higher education trade unions “Academy of Labor and Social Relations”, Buynaksk, Russia

Статья посвящена истории одного из дагестанских феодальных владений – Бамматулинского. Описано участие данного владения в политических событиях в Дагестане в конце XVIII – начале XIX в. События рассматриваются в контексте противостояния России и военных держав Востока – Турции и Ирана.

The article is devoted to the history of one of the Daghestan feudal possessions – Bammatulinsky. The participation of this domain in the political events in Daghestan in the late XVIII and early XIX centuries is described. The events are considered in the context of confrontation between Russia and the military powers of the East – Turkey and Iran.

Ключевые слова: Бамматулинское владение, Казанище, Дагестан, Россия, Хасбулат Казанищенский, шамхал Мехти, Герей-бек Казанищенский.

Keywords: Bammatulinsky domain, Kazanishche, Daghestan, Russia, Khazbulat Kazanishchensky, Gerey-Bek Kazanishchensky, Shamkhal Mehti.

В конце XVIII в. на международной арене произошли значимые события. Поражение Турции в двух русско-турецких войнах (1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.) и установление по Георгиевскому договору протектората над Грузией упрочило позиции России на Кавказе. В результате Дагестан был фактически отрезан от Турции, чьей защиты добивались некоторые из дагестанских владетелей [1, с. 119–120]. «Русский двор, приняв в покровительство Грузию и обращая виды свои на Армению, старался усугубить число зависимцев своих в Дагестане», – писал П.Г. Бутков [2, с. 176]. О подписании трактата царское правительство поставило в известность наиболее влиятельных дагестанских владетелей, после чего они также стали искать покровительства у России [2, с. 176].

В начале XIX в. в Дагестане было несколько десятков союзов сельских общин и более 10 феодальных владений, одним из которых являлось Казанищенское (Бамматулинское. – *А.Р.*) [3, с. 112].

После смерти Тишсиз-Баммата во главе Казанищенского владения стал его сын Хасбулат [4, с. 77–78], который, как и его отец активно участвовал во всех политических событиях как внутри Дагестана, так и соседнего Азербайджана.

Одним из влиятельных дагестанских владетелей был Фатали-хан Дербентский, проводивший активную завоевательную политику. Весной 1784 г. Фатали-хан после основательной подготовки войск двинулся на юг. Намереваясь присоединить к своему владению земли Южного Азербайджана-

на, он переправился через Аракс и уже в августе без боя овладел Ардебилем и Мешкином [5, с. 202–203]. Фатали-хану перед этим удалось заключить союз с грузинским царем Ираклием II, а также привлечь на свою сторону ряд других владетелей и старейшин и разные племена, жившие у иранской границы [5, с. 101]. От союза с Фатали-ханом воздержался Ибрагим-хан Карабагский [5, с.101].

Фатали-хана поддержали также и образовавшие между собой союз Магомед-Гасан-хан Нухинский, слепой Агаси-хан и Хасбулат Казанищенский. Они, как писал в своем донесении Ираклию II (15 апреля 1784 г.) Ганжинский губернатор К. Андроников (Андроникашвили), «имеют намерения, собрав войска талские, джинихския и баяматлуския (бамматулинские. – *Р.А.*) и себе присоединить Ома-ханова (Ома-хан – Умахан Аварский. – *Р.А.*) брата Сурхай-бега и Лискандар-бега и на Ибрагим-хана нападение зделать» [6, с. 158].

Усиление кубинского хана не соответствовало политическим планам Екатерины II. Поэтому в феврале 1785 г. кн. Г.А. Потемкин специальной грамотой потребовал от Фатали-хана роспуска его войск. Заметно активизировались и феодальные владетели Дагестана, что заставило Фатали-хана отказаться от своих намерений и возвратиться в Ширван [5, с. 203].

В 1785 г. на Северном Кавказе возникло движение Ушурмы (шейха Мансура). Оно вначале было поддержано частью дагестанцев. К движению примкнула часть кумыков, терских ногаев и казикумухцев Центрального Дагестана [7, с. 59]. К шейху Мансуру партиями и поодиночке стали присоединяться недовольные и эксплуатируемые райаты, чагары и уздени из селений Казанище, Губден, Хунзах, Эрпели, Карабудахкент, Каякент и Кумух [8, с. 19]. Войска Мансура, который провозгласил о начале «Священной войны – Газавата» и направил послания к ханам и главам общин Дагестана и Чечни, Кабарды и Кубани с увещанием стать под его знамена, состояли в основном из чеченцев, кабардинцев, лезгин, кумыков и ногайцев [8, с. 19]. В июле 1785 г. Хамза Алишев Костековский сообщал коменданту Кизляра, что посланец шейха Мансура посетил Али-Султана (мехтулинского. – *Р.А.*), шамхала, Хан-Мамеда (племянника уцмия Амир-Хамзы), а также Хасбулата Казанищенского и Акуша-Дарго, после чего вернулся с заверением, что в Казанище собираются отряды этих владетелей с намерением двинуться на Кизляр [9, с. 245–246]. По свидетельству очевидца – кизлярского армянина (нач. августа 1785 г.) совещание проходило в Тарках, между представителями Карабудахкента, Губдена и Эрпели, где шамхал запретил воевать против России, сам не принял письма и посланца Мансура и сыновей своих к нему не отпустил [9, с. 246]. Как отмечает Р.М. Магомедов, «Али-Султан Дженгутаевский и хан Аварии действительно звали шамхала с собой в поход, но только на Грузию. К войску обоих действительно примкнули даргинцы и Акуша со своим кадием. Но эти силы находились не в Казанище, а в Карахе [9, с. 246].

Однако по преданию жителей Большого Казанище, часть казанищенцев все же выступила на стороне Ушурмы, в помощь которому они отправили и несколько табунов лошадей. В ответ за это русское командование на Кавказе ввело войска в Казанище. В результате произошедшего сражения многие из домов в Казанище были сожжены, а ее жители, выступившие против русских войск, были убиты или пленены [10, с. 3].

Хотя некоторые владетели и поддержали в начальный период шейха Мансура [7, с. 59], однако большая часть феодалов и народов Дагестана отвергла призывы Ушурмы и по-прежнему стремилась к сближению с Россией [2, с. 177].

К сближению с русскими властями стремился и Хасбулат Казанищенский. Так, в одном из своих писем кизлярскому коменданту (1785 г.), заверяя последнего в своем намерении усердно служить России, он просил о содействии в возврате денег своему подвластному кизлярским армянином. В случае же невозврата, как далее писал Хасбулат, «я не буду доволен, и не считайте меня за посторонних людей, а и точно так, как костековский владелец, у вас во слугах нахожусь, то и не ведите моего человека к разорению [11, л. 233].

В 1795 г. в пределы Кавказа с многотысячным иранским войском вторгся Ага-Мухаммад-хан. Захватив и разрушив Тифлис, вслед за этим он потребовал покорности и от горцев Дагестана. И хотя часть из дагестанских феодалов склонялись к Ирану, в числе которых был и дербентский хан и некоторые его соседи в Дагестане и в Северном Азербайджане, большинство дагестанских владетелей отвергли требования Ага-Мухаммад-хана и, приняв меры к оказанию сопротивления, обратились за помощью к России [2, с. 179–180]. В 1796 г. по указу Екатерины II в ответ на нашествие Ага-Мухаммад-хана в поход было двинуто сильное российское войско под командованием В.А. Зубова. При содействии местных жителей Зубов занял Дербент, Баку и Ганджу [3, с. 15].

В 1797 г. в связи с изменением внешнеполитического курса царизма русские войска были отозваны с Кавказа [3, с. 15]. С уходом русской армии в Кизляр в Дагестане снова начались междоусобицы. Шихали-хан вновь завладел Дербентом [12, с. 17]. Выступивший ранее в союзе с ним Сурхай-хан Казикумухский [12, с. 16] вместе со своим сыном Нух-беком завладели Кубой [13, с. 181].

За этой междоусобицей зорко следила царская администрация на Кавказе: командующий царскими войсками на кавказской линии И.И. Марков в донесении (24 июня 1798 г.) к командующему в Грузии и на Кавказе К.Ф. Кноррингу писал, что «шамхал с братом своим Шебазом назад тому дней 10, собрав из владения своего подданных и пригласив с собою акушинцев, унцукульцев, араканцев, гимринцев, чиркеевцев и судахарцев, к коим присоединились хайдаки, табасаранцы и казаньщевцы, пошел к сообщению с дербентским Ших-Али-ханом против казыкумыкского Хамбута и сына его Нохи, овладевших с войском своим гор. Кубу, принадлежащую Ших-Али-хану Дербентскому» [14, с. 245]. С помощью этого войска Ших-Али-хан разбил (1798 г.) войска Сурхай-хана, который отступал до самого Чирака [1, с. 121].

В начале XIX в. Казанищенское владение, как упоминалось о нем в словаре Щекатова, состояло из деревни «Казанской» (Большое Казанище. – *Р.А.*), близ которой находилось несколько селений, в каждом из которых жил «особливый князек» [15, с. 968]. В качестве самостоятельного выступало и Кафыркумухское владение.

Значительную роль среди дагестанских владетелей продолжал играть тарковский шамхал, который, хотя и «был некогда номинальной главой в системе кумыкских феодальных владений», в рассматриваемое время утратил это право и «не выполнял функций общегосударственного характера на всей территории Кумыкии» [16, с. 366].

Однако шамхал Мехти в начале XIX в. решил попытаться вернуть себе былую политическую репутацию шамхалов в Дагестане. Так, в своем письме к главнокомандующему на Кавказе К.Ф. Кноррингу (16 апреля 1800 г.) шамхал писал, что «обитающие здесь народы, дагестанцы и кумыки, не имея между собою согласия и послушания одному правлению, находились в расстроенном положении, посему и шамхалу выполнять, как повеленных от е.и.в., так и других дел, порядочно было невозможно» [14, с. 249]. Далее шамхал сообщал, что своим старанием, потратив 170 тыс. руб. собственных денег, сумел привести дагестанцев «себе в послушание», в чем «бывшие же до сего времени шамхалы успеть в том не могли» [14, с. 249]. Тогда же шамхалу удалось подчинить казанищенского владетеля Хасбулата, который, как писал в том же письме шамхал, «... с подвластными его не хотел быть мне послушным, но я, употребляя нужное на сие средство привел его с подвластным его народом в мое послушание» [14, с. 249]. Чтобы закрепить это положение, шамхал построил в Казанище себе дом и поселился там, желая, как он писал далее, «... довести их (казанищенцев. – *Р.А.*) до лучшего состояния и содержать в обуздании» [14, с. 249].

Коллегия иностранных дел предписала главнокомандующему на Кавказе К.Ф. Кноррингу 11 июня 1800 г. сообщить шамхалу Мехти об одобрении Павлом I его действий по приведению в послушание «как дагистанцев и кумык, не имевших между собой согласия и повиновения единоначальному правлению, так и казаньщевского владельца Касбулата с подвластным ему народом и прочими, по р. Койсу обитающими, в числе коих состоят и акушинцы» [14, с. 250].

В 1801 г. в ответ на неоднократные обращения феодальных владетелей Дагестана и Азербайджана о принятии их в подданство России Александр I велел главнокомандующему на Кавказе ген. Кноррингу «установить между помянутыми шамхалами и горскими владельцами, для ... их и народов их блага ... союз» под верховным покровительством России [2, с. 183]. «Предпринимая такой шаг, царизм рассчитывал, не осложняя отношений с Персией, которая продолжала претендовать на Азербайджан и Дагестан, обеспечить безопасность и тишину, а главное наладить торговые связи с Кавказом и Персией» [2, с. 183].

В 1802 г. изъявил вступить под покровительство России и Хасбулат Казанищенский [17, л. 849]; за него ходатайствовал его родственник, сын бывшего шамхала Муртузали Адиль-Гирей Тарковский, состоявший в то время в Петербурге при дворе в должности действительного тайного советника (генерал-полковник) [18, с. 231]. Адиль-Гирей в своем письме (авг. 1802 г.) к Александру I сообщал, что, изъявив желание вступить в подданство России, Хасбулат отправил в Петербург своего чиновника Амир-бека, однако тот был удержан в Кизляре, вследствие чего он перепоручил «... одному, усердному армянину» доставить это прошение ему (Адиль-Гирею. – *Р.А.*) [17, л. 849]. Характеризуя Хасбулата в том же письме, Адиль-Гирей писал, что он (Хасбулат. – *Р.А.*) из «... наследственного поколения шамхалов дагестанских, ... управляющего независимо в Дагестане важною частью шамхальских владений», просил удостоить Хасбулата «высшего покровительства ... , дабы возмог он, получа дозволение, отправить от себя посланника в Санкт-Петербург» [17, л. 849].

После прошения Хасбулата российской стороной о нем были собраны сведения, о которых кн. Цицианов в своем донесении гр. Воронцову писал: «Владелец сей Хасбулат действительно сын шамхальской, отец его Мамед был шамхалом тарковским, но с достоинства сего свергнут владельцем Муртуз-Алием, ... жительствоует в пределах Дагестанских в дер. Казанищи называемой, которая и окрестности ея составляют его удел. В прочем владение сие его очень малое и ничего не значущее» [19, с. 785]. Отмечая, что Хасбулат третий год состоит под властью шамхала, который «привел его себе силою оружия», когда тот сделал ему «ослушание», Цицианов ставил под сомнение целесообразность принятия его в подданство и назначения ему «пенсии», т.к. это, по его мнению, «для интересов Российского двора по бессилию его бесполезно» [19, с. 785]. Отказ российской стороны принять в подданство Хасбулата способствовал ослаблению политического значения Бамматулинского владения.

С началом русско-персидской (1804–1813 гг.) и русско-турецкой (1806–1812 гг.) войн в Дагестане осложняется политическая обстановка. В это время усиливается подрывная деятельность не только иранских и турецких агентов, но и западноевропейских [2, с. 185]. Но народы Дагестана, за исключением некоторых феодалов (Шихали-Али-хана дербентского, Сурхай-хана Казикумухского и др.), отвергли предложения зарубежных агентов [2, с. 185].

Однако шах и султан продолжали рассылать в дагестанские владения и «вольные» общества ценные подарки и фирманы с призывом подняться на священную войну против русских и оказывать содействие войскам Ирана и Турции в Закавказье [2, с. 188]. Подобный фирман султана в 1812 г. был послан шамхалу Мехти, Сурхай-хану Казикумухскому, Хасан-хану Дженгутаевскому, каранаевским владетелям Муртаза-беку и брату его Мусал-беку, а также акушинскому и табасаранскому кадиям, хунзахскому владетелю Али-хану, Хасбулату Казанищенскому, дербентскому и ширванскому ханам [20, с. 605]. Аналогичные фирманы к этим владетелям были отправлены султаном и ранее в 1811 г. [20, с. 606.]

В войне с Россией, несмотря на поддержку со стороны Англии, Иран и Турция потерпели поражение. По итогам Гюлистанского мирного договора в 1813 г. Дагестан вошел в состав России, что имело для народов Дагестана «объективно-историческое прогрессивное значение» [2, с. 190–191].

«В первой половине XIX в. царизм сохранял в Дагестане прежнее управление с незначительными изменениями. Феодальные владетели управляли своими владениями на ханских правах

с формальным ограничением права на смертную казнь, увечные наказания и отчуждение имений, не принадлежащих им на правах частной собственности. Не подвергалось особому изменению также бекское и сельское управление. Однако высшая власть в Дагестане была сосредоточена в руках военного командования, причем формы ее часто менялись. Отсутствие единой системы управления в этот период объяснялась как разнообразием условий и форм прежнего управления в Дагестане, так и военной обстановкой» [2, с. 201].

Во втором десятилетии XIX в. правители Аварии, Мехтулы и другие, недовольные активизацией политики царизма, изменили свое отношение к России. Как пишет Г.А. Джахиев, «выступая против России, они обращались за поддержкой к Ирану и Турции, что давало им поводы вмешиваться во внутренние дела кавказских стран под предлогом защиты своих эмиров, единоверных братьев, которым, якобы угрожала опасность уничтожения русскими» [21, с. 17].

Надежным союзником царизма на Северном Кавказе выступал шамхал Мехти, который, опираясь на российские власти, старался укрепить свое влияние в Дагестане. Так, в нач. XIX в. шамхал Мехти, склонив на свою сторону почетных казанищенских старшин и узденей, угрозой применения силы вынудил покинуть Казанище ее владельца Хасбулата. В результате Хасбулат вместе с женою и двумя сыновьями (Гиреем и Бамматом) был вынужден скитаться по чужим владениям, где через несколько лет умер [20, с. 647]. Вместе с Казанищами и принадлежащими к ним двумя деревнями с аулами (вероятно, Муслим-аул и Буглен. – *Р.А.*), шамхалу Мехти достались в добычу также имение Хасбулата и его конный табун. Вдова Хасбулата вместе со своими сыновьями с просьбой о защите прибегла к покровительству Хасан-хана Дженгутаевского, родного брата аварского хана и приходившегося ей родственником [20, с. 647].

В возникшую конфликтную ситуацию оказались втянуты и другие владельцы Дагестана. Хасан-хана Дженгутаевского, помимо аварского Султан-Ахмед-хана, поддержали также эндиреевские и аксаевские владельцы, а шамхала поддержали костековские владельцы [20, с. 647].

В декабре 1815 г. объединенные войска горцев во главе с Хасан-ханом Дженгутаевским подступили к Казанище, где в ультимативной форме потребовали от шамхала Мехти возвращения сыновьям Хасбулата Гирею и Баммату отнятых у них владений [20, с. 647]. Тогда же к подступам Казанище подошли и войска эндиреевских, аксаевских и костековских владельцев [20, с. 647]. Хасан-хан Дженгутаевский пригласил в Казанище и Ших-Али-хана Дербентского, но тот ввиду своей болезни не смог приехать [20, с. 630]. В создавшейся ситуации шамхал Мехти 10 декабря 1815 г. выехал из Казанище в Тарки. Однако шамхал оставил в Казанище свою жену, приходившуюся родной сестрой Султан-Ахмед-хану Аварскому и Хасан-хану Дженгутаевскому, рассчитывая, вероятно, на ее посредничество. Но расчет шамхала не оправдался, так как Хасан-хан отправил ее вслед за мужем в Тарки, после чего Казанище и принадлежащие к нему деревни были отданы Гирею и Баммату, что было поддержано и казанищенцами [20, с. 647].

Тогда же при посредничестве сына казикумухского хана Нуха, духовенства и старшин акушинских и цудахарских шамхал обязался вернуть Гирею и Баммату и конный табун, отнятый им у Хасбулата [20, с. 647]. Излагая принятое конфликтующими сторонами решение, кизлярский комендант подполковник Козьмин в своем донесении (25 янв. 1816 г.) генерал-майору Дельпоццо писал, что «решительное же окончание всего их раздора, по сделанному с обеих сторон условию, отложено до будущей весны, а потому и все бывшие в сем собрании разъехались по своим местам и ныне владению шамхала опасности не предвидится [20, с. 647].

Потеря селения Большое Казанище имела для шамхала Мехти весьма нежелательные последствия, как в политическом, так и в экономическом аспектах. Большое Казанище в изучаемое время было одним из крупных селений Дагестана. Так, еще в конце XVIII в. Я. Рейнегс писал о Казанище как о «многолюдном городе, в коем считается 1000 семей» [22, с. 273]. И не случайно шамхал Мехти, как уже говорилось выше, подчинив Хасбулата Казанищенского, обустроил там одну из

своих резиденций, что позволяло ему контролировать ситуацию во всей Бамматуле. Значимы были потери и в экономическом плане, так как большая часть населения Казанище отбывала шамхалу Мехти повинности и косвенные налоги [4, с. 77]. Повинности и косвенные налоги шамхалу отбывали и жители селений Буглен и Халим-бек-аул [4, с. 77].

Подвергнув тщательному разбору причины возникшего конфликта между шамхалом Мехти и группой противоборствующих ему владетелей, генерал-майор Дельпоцо в своем рапорте к генералу Ртищеву писал (5 февраля 1816 г.): «Вследствие повеления в. выс.-я ..., предписав кизлярскому коменданту Козьмину за-Теречным приставам шт.-к. Филатову и пор. Келекаеву, разведать обстоятельство причины вражды между Мегди-шамхалом и прочими горскими народами», что он получил от них донесения, из которых видно, «что в происшедшей между ним и горскими народами вражде причиною он сам ...» [20, с. 647–648].

Видимо, опасаясь возможного нападения сил антишамхальской коалиции на Тарки, в начальный период возникновения конфликта, туда на помощь шамхалу был послан с войсками полк Левенцов. Однако, как писал в своем письме к военному начальству шамхал, «онне дошел до Тарков, не сделал ему никакого уважения и, переночевав, ... возвратился с оным обратно» [20, с. 648]. Тогда же шамхал Мехти вторично обратился к военному командованию с просьбой о посылке к нему войск «в большом числе», сообщая в своем письме, что народ «разорил» его и «ограбил все имущество» и что даже в Тарках народ собирается лишить его власти и жизни [20, с. 646–647].

Однако, несмотря на то что шамхал Мехти в то время считался наиболее приверженным к российской стороне дагестанским владетелем и носил чин генерал-лейтенанта русской армии [23, с. 139], его действия по захвату Казанищенского владения были признаны незаконными, и военное командование решило воздержаться от проведения войсковой операции [20, с. 647–648]. Для принятия такого решения у военного командования были и другие причины. Царское правительство в это время не было готово направить на Кавказ крупные военные подкрепления, так как финансы империи были расстроены недавними войнами, а основные силы армии находились у западных границ. Военных сил на Северном Кавказе было мало для распространения на его территорию царской власти. В то же время отношения России с Ираном и Османской империей угрожали новыми конфликтами [3, с. 32].

Вскоре после этих событий Гирей-бек становится в Казанищенском владении старшим владельцем. Однако ему не принадлежало право пользования доходами и повинностями с селений Малое Казанище, Кафыр-Кумух и части селения Халим-Бек-аул. В этих селениях имелись свои особые беки из фамилии главного владельца Бамматулинского владения [24, с. 5].

В наказание за участие в антироссийском восстании в 1818 г. Гирей-бек Казанищенский, так же как и Султан-Ахмед-хан Аварский и Хасан-хан Дженгутаевский, был лишен своего владения [25, с. 91], после чего он умер в горах, а братья его бежали в Турцию [24, с. 5].

Подводя итоги, следует отметить, что в исследуемое время Бамматулинское владение являлось одним из значимых феодальных образований Дагестана, о чем свидетельствует и приведенный нами выше факт, что в 1812 г. Хасбулату Казанищенскому, так же как и другим дагестанским владетелям, турецким султаном был отправлен фирман с призывом к антироссийскому выступлению [20, с. 605].

Статья написана на основе диссертационного исследования автора [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев В.Г., Мусаев С.А. История Дагестана. Хронология (с древнейших времен по 1917 г.). Махачкала, 2005. С. 121.
2. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 176–180, 183–185, 188, 190–191, 201.

3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С. 15, 32.
4. Шамхалы Тарковские // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. 1. Отд. IV. Тифлис, 1868. С. 53–80. (М., 1992. С. 77–78).
5. *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1994. С. 101, 202–203.
6. *Гамрекели В.Н.* Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (конец 60-х – начало 90-х годов XVIII в.). Документы и материалы. Тбилиси, 1980. Вып. 1. С. 158.
7. *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура 1785–1791 гг. Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, 1994. С. 59.
8. *Магомедов Р.М.* Борьба народов Дагестана и Чечни за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. С. 19.
9. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 2. С. 245–246.
10. *Гаджиев М.* Из истории Большого Казанище // Глас народа. 2005. 16 дек. С. 3. (На кум. яз.).
11. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 233.
12. Казикумухские и юринские ханы // ССКГ. Вып. II. Отд. IV. Тифлис, 1869. С. 1–44. (М., 1992. С. 16–17).
13. *Бакханов А.К.-А.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 181.
14. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988. С. 245, 249–250.
15. *Щекатов А.* Словарь Географический Российского Государства. М., 1804. Ч. III. С. 968.
16. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 366.
17. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 849. Сношение России с Персией, 1728–1803 гг.
18. *Алиев К.М.* Таргу-Наме. Лексикон. Махачкала, 2001. С. 231.
19. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1868. Т. 2. С. 785.
20. АКАК. 1873. Т. 5. С. 630, 647–648.
21. *Джахиев Г.А.* Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991. С. 17–19.
22. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / сост., введ., вступ. ст. к текстам и примеч. *В.Г. Гаджиева.* Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. С. 273.
23. *Камиль Алиев.* Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2006. С. 139.
24. Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II. Отд. IV. Тифлис, 1869. С. 1–16. (М., 1992. С. 5).
25. АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6, ч. 2. С. 91.
26. *Атаев Р.А.* Бамматулинское владение в XVII – начале XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010. 191 с.

Поступила в редакцию 03.03.2022 г.

Принята к печати 26.12.2022 г.

Атаев Руслан Абдуллабекович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин, Дагестанский гуманитарный институт (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений», г. Буйнакск; e-mail: ataevrus1969@mail.ru

Ruslan A. Ataev, Candidate of History, senior lecturer, Daghestan Humanitarian institute (branch) of educational institution of higher education trade unions “Academy of Labor and Social Relations”, city Buynaksk; e-mail: ataevrus1969@mail.ru